

© 1992 г., ЭО, № 1

С. И. Вайнштейн

БОРИС ОСИПОВИЧ ДОЛГИХ: ДНИ И ДЕЯНИЯ ПОДВИЖНИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

*...тот, кто поступает достойно
и благородно, тем самым обретает
в себе силу переносить несчастья ...*

Бетховен

Время — самый неутомимый судья. Эта истина особенно зрима в наши дни, когда не столь уж редко, выражаясь современным языком, рейтинг одних ученых, чрезмерно возвеличенных при жизни и удостоенных высших титулов, катастрофически падает, а других, не столь обласканных официальным признанием, неудержимо растет, заставляя все более ценить их вклад в развитие научной мысли, привлекая все большее внимание к их книгам, идеям, делам.

Чем больше времени проходит после смерти Бориса Осиповича Долгих (он умер 20 лет назад, в самом конце 1971 г.), тем все более очевидна его выдающаяся роль в истории нашей науки. Сегодня уже бесспорно, что Б. О. Долгих — один из классиков отечественной истории и этнологии.

Жизнь Б. О. Долгих, ученого и человека, была сложной и драматичной. Наша послереволюционная история по-разному преломилась в биографиях людей. Не избежал тяжелых ударов судьбы и Б. О. Долгих. Но, к сожалению, поныне наиболее драматичные страницы его биографии известны лишь самым близким ему людям. Теперь об этом впервые можно рассказать открыто.

Биография ученого начиналась безоблачно в тепле прекрасной, очень интеллигентной и благополучной семьи. Родился Б. О. Долгих в Риге 18 апреля 1904 г. Отец был всеми уважаемый аграрник, позднее профессор. В годы своей молодости, еще до рождения сына, отец много лет работал в Сибири и с особенно большим интересом и вниманием наблюдал жизнь аборигенов, среди которых ему приходилось бывать по делам службы. Впоследствии он часто вспоминал те годы и увлекательно рассказывал любознательному сыну о быте и удивительных обычаях сибирских народов, пробудив у него еще в детстве интерес к путешествиям, любовь и сочувствие к гордым и смелым, но обездоленным местным жителям. Много любопытного узнал мальчик в те годы и о жизни аборигенов Северной Америки, притом в отличие от сверстников узнал о них не столько из красочных детских книжек, сколько из пересказанных отцом эпизодов встреч легендарного деда Алексея Баранова с мужественными и воинственными индейцами. А деду было что рассказать, ведь служил он в далекой Русской Америке в чине поручика на о-ве Ситх в той самой крепости, которую так яростно осаждали индейцы, а защищали русские солдаты. В одном из сражений дед был ранен, после чего вернулся на родину и дослужился здесь до весьма высокого чина статского советника. До конца жизни помнил Б. О. Долгих запечатленный в детстве и окруженный ореолом славы образ деда — высокого ростом и даже сурового, но очень нежно любившего своего маленького внука.

После переезда семьи в Самару Борис Долгих поступил учиться в гимназию. Подростком встретил революцию, в 16 лет стал студентом Самарского универси-

Рис. 1. Б. О. Долгих на пути к кетам Подкаменной Тунгуски. 1948 г. Фото С. И. Вайнштейна.

тета, но не прошло и года, как университет был закрыт. Чтобы иметь хоть какую-то специальность, пришлось в конце концов поступить в местный техникум и без особой радости обучаться бухгалтерии, втайне надеясь, что сие образование никогда не пригодится. Но, как известно, пути Господни неисповедимы — специальность, полученная в техникуме, пригодилась и даже очень, притом в ситуации неожиданной и зловещей. Но будет это годы спустя... А пока романтического юношу влекла мечта о путешествиях, о высшем, непременно гуманитарном образовании. Особенно манила возможность учиться в Московском университете. И уже тогда, вспоминал Б. О. Долгих впоследствии, все чаще мечтал: путешествуя в Арктике, среди таинственных народов Севера, открыть неведомые для науки племена.

И вот, наконец, решившись после долгих колебаний и советов с родными, собрав скромные пожитки и имея очень небольшую сумму денег на дорогу, юноша навсегда покидает Самару и едет в Москву, чтобы поступить в университет. Увы, оказалось это совсем не просто — его не приняли. Надо было возвращаться. Но Борис не хотел сдаваться, он принимает трудное, но твердое решение: из Москвы не уезжать, снять угол и ходить в университет вольнослушателем (такая возможность в те годы была), тем более что, как оказалось, интересующимся народами Сибири вольнослушателям разрешалось посещать научные заседания в Институте антропологии МГУ, а также в Обществе по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока. Удалось записаться и в Румянцевскую библиотеку; это дало возможность все свободное время проводить там, много читать и делать обширные выписки из книг, как бы предчувствуя, что судьба может лишить его такой возможности.

На одном из заседаний в Институте антропологии, где уже многие обратили внимание на очень способного юношу, проявляющего недюжинные знания и огромный интерес к народам Севера, ему сообщили о намечающейся Приполярной переписи и даже возможности принять в ней участие. Б. О. Долгих сразу же осознал это известие как начало реализации своей давней мечты. Чтобы стать

участником переписи, необходимо было иметь рекомендацию, и он получает ее из Института антропологии, подписанную В. В. Бунаком. Предстоит долгий путь в Сибирь. Весна 1926 г. застает Б. О. Долгих в Красноярске. Здесь собрались все участники отряда переписчиков — 10 молодых людей, которые очень обстоятельно готовились к предстоящей нелегкой работе, в ходе которой предстояло заполнить похозяйственные карточки на каждую семью аборигенов (в карточке значилось около 20 различных вопросов), объехать тысячи километров тайги и тундры Заполярья. Жарким июньским днем на колесном пароходе Б. О. Долгих с товарищами отплыл по Енисею на Север. Впечатления в пути были незабываемы: покрытые тайгой крутые берега, огромная могучая река, несшая свои быстрые воды к Ледовитому океану, маленькие приречные поселки, живописно одетые люди. Здесь же, на берегу Енисея, Б. О. Долгих впервые увидел нескольких кетов — представителей маленького сибирского народа, среди которых предстояло вести перепись. Через неделю достигли устья Подкаменной Тунгуски и вдвоем с товарищем высадились на берег. Им повезло — кеты в это время собрались здесь на ярмарку. Их временное стойбище располагалось поблизости, и можно было сразу начинать перепись. Завершив работу у кетов, добрались до небольшого селения Кузьмовка и начали перепись у тунгусов, а в начале сентября на пароходе приплыли в Дудинку. Наступила холодная осень, приближалась долгая полярная ночь. В этих тяжелейших условиях в полной мере проявились черты характера Б. О. Долгих: неодолимая целеустремленность, редкое мужество, безразличие к бытовым трудностям и научная страсть исследователя-первопроходца. Наряду с переписью Б. О. Долгих с поразительным увлечением вел этнографические исследования, тщательнейшим образом фиксируя все наблюдения.

Почти полтора года, до октября 1927 г., Б. О. Долгих практически ни на один день не прекращал работу даже в самых трудных, подчас нечеловеческих условиях (его коллега, не выдержав выпавших на его долю испытаний, покончил жизнь самоубийством). А Б. О. Долгих продолжал самозабвенно трудиться. Жить пришлось и в тайге, и в тундре, и на пустынных берегах Ледовитого океана, в устье Енисея, на Хатанге. Передвигаться можно было лишь на собачьих упряжках или на нартах с оленями. Протяженность маршрутов превысила тысячу километров. За это время были обследованы несколько народов, особенно много новых этнографических сведений было собрано о кетах, нганасанах, энцах, долганах, якутах, эвенках. Удалось сделать и открытия — обнаружить неизвестные дотолде этнографические группы, описать никем ранее не отмеченные обычаи, сделать уникальные записи неведомых фольклорных произведений. Большое внимание уделял Б. О. Долгих изучению социальной структуры, соотношению административных и кровных родов. Каждый вечер, будь то в чуме у очага или у коптилки в охотничьей избушке, он неизменно детальнейшим образом записывал свои наблюдения в дневник. Можно определенно сказать, что маршруты, продолженные по красноярскому Северу в значительной мере определили круг дальнейших экспедиционных исследований ученого.

Вернувшись поздней осенью 1927 г. в Москву, он знакомит с собранными этнографическими материалами В. В. Бунака и ряд других ученых, восхищает их богатством и новизной сделанных наблюдений. По инициативе В. В. Бунака Б. О. Долгих был немедленно и без экзаменов зачислен в МГУ, притом сразу на второй курс. Став, наконец, студентом, Б. О. Долгих, по его словам, жадно и с упоением учился, систематизировал собранные материалы. Перейдя на третий курс, он представил на кафедру свою первую научную работу о населении Таймыра. Ее рекомендовали к печати и опубликовали в центральном научном журнале «Северная Азия»¹. Это была серьезная, зрелая статья; после публикации она получила хорошие отзывы. Была уже подготовлена еще одна интересная статья для того же журнала. Казалось бы, путь в науку открыт. Учись, работай, строй планы новых экспедиций на Север. Но нет...

Идет трудный для страны 1929 год. Начинается неоправданная ломка устоев

Рис. 2. На берегу Подкамнной Тунгуски Б. О. Долгих беседует с проводником-кетом. 1948 г. Фото С. И. Вайнштейна.

традиционного крестьянского быта, сопровождаемая репрессиями. Из деревень приходят все более и более тревожные вести. Б. О. Долгих, который не смог получить комнату в студенческом общежитии и вместе с товарищем, слушателем Высших литературных курсов, снимал частную комнату, нередко обсуждал здесь происходящие события. В этой комнате по вечерам собирались и другие студенты, часто разговоры касались коллективизации, начинались споры. Б. О. Долгих и его товарищ очень критически высказывались о жестоких методах «раскулачивания», слухи о которых доходили до университета. Один из присутствовавших донес. Неожиданно арестовали товарища по комнате, а затем и самого Б. О. Долгих и тут же исключили из университета. Вместо студенческой аудитории — камера в Бутырской тюрьме, допросы у следователя. Но маховик сталинских репрессий еще не раскрутился до уровня «великого террора», да и следователи были разные. Тот, кто допрашивал первым, ненадолго выйдя, позволил тем самым Б. О. Долгих уничтожить найденное у него при аресте письмо с «крамольными» мыслями о коллективизации — опасный по тем временам документ. Арестованный держался на допросах мужественно, впрочем, пытки тогда не применяли. В результате — сравнительно мягкий приговор: всего 4 года ссылки в Сибирь.

Проделав долгий путь до р. Лены, Б. О. Долгих поселился на берегу таежной реки в маленьком поселке и работал у местных заготовителей бухгалтером — пригодилась-таки учеба в техникуме. Оставалось много свободного времени. Все свои материалы, собранные ранее, Б. О. Долгих удалось привезти с собой. Каждый вечер у коптилки, нередко под вой вьюги, он пишет книгу, свою первую монографию об одном из самых загадочных народов мира — кетах. Под рукой обширные записи, сделанные у этого народа, многочисленные выписки из книг. На бумагу ложатся первые строки, исполненные романтического духа, не покидавшего ученого и в ссылке.

«Кто проезжал Енисеем по Туруханскому району Восточно-Сибирского края, тот не забудет на первый взгляд странных, длинноволосых людей в разноцветных коротких халатах. Зажав в зубах трубки, они с виду равнодушно смотрят на шумящую около приставшего парохода толпу. Их сухие, горбоносые лица, оттененные белыми платками, при этом бесстрастны, словно высечены из темного дерева. Только изредка кто-нибудь из них, вынув трубку изо рта, сплевывает и обменивается с соседом отрывистыми, гортанными фразами. Перед серым, усыпанным галькой берегом и торчащим над ним рядом дощатых потемневших крыш крестьянских изб, около бородатых, шумно толпящихся русских, яркие,

словно маскарадные, краски одежд этих людей и отпечаток какой-то древней, незнакомой для нас европейцев расы на их безбородых смуглых лицах оставляют отчетливое, незабываемое впечатление живого обломка первобытной Азии, случайно уцелевшего здесь, на окаймленных непрерывной стеной тайги берегах Енисея. Это те самые енисейские „остяки“ — кеты, которые до сих пор представляют загадку истории Северной Азии»².

4 года ссылки на Лене заканчиваются, можно пересезжать в Иркутск, да и рукопись книги о кетах готова. В Иркутске ученого принимают на работу в Краеведческое общество. Через несколько дней он приносит в местное издательство свою рукопись, которая настолько заинтересовала всех, кто с ней знакомился, что ее почти сразу же внесли в план издания. И это несмотря на «грязную» анкету автора. Руководство издательства, несомненно, пошло на определенный риск, но то был все же лишь 1934, а не 1937 год. Книга выходит из печати и имеет успех. Ее автору разрешают вернуться в Москву. Но тут Б. О. Долгих узнает, что есть возможность поступить на работу в землеустроительную экспедицию, которая выедет на несколько лет на Крайний Север. Экспедиции был нужен экономист-бухгалтер и на эту должность зачисляют Б. О. Долгих, мечтавшего продолжить свои полевые исследования у народов, которых он начал изучать до ареста. И еще 2 года работает ученый у берегов Ледовитого океана, среди снежных равнин Таймыра и Эвенкии. Вновь в дневниках ученого появляются интереснейшие записи о неизвестных ранее формах культуры, родоплеменном составе, великолепные образцы устного народного творчества, в особенности по существу впервые открытого фольклора нганасан.

В 1937 г. Б. О. Долгих возвращается в Красноярск и, получив вакантное место в Краеведческом музее, сразу же приступает к работе над второй книгой. На этот раз, обработав за несколько месяцев нганасанский фольклор, предлагает местному издательству свой новый труд, который получает зеленую улицу, так как именно тогда из портфеля издательства изъяли многие рукописи «врагов народа» и он был почти пуст. И так без задержки выходит из печати вторая книга Б. О. Долгих, посвященная легендам и сказкам нганасан³. А в это время ученый с ужасом наблюдал шедшие вокруг аресты, в особенности среди интеллигенции, понимая, разумеется, что подобное происходит не в одном только Красноярске. Трезво оценив обстановку, он решил вновь поехать в экспедицию на Крайний Север. На этот раз им была организована небольшая этнографическая экспедиция Красноярского краеведческого музея, по существу первая экспедиция, в которой он мог целиком отдать себя любимым этнографическим исследованиям. Много работает в Эвенкии, в других наиболее труднодоступных и малоизученных до него районах красноярского Севера. Здесь же в одной из таежных факторий Эвенкии Б. О. Долгих встретил Верочку Попову — молоденькую, очень обаятельную учительницу, обучавшую эвенкийских детишек. Вера Гордеевна становится с той поры его женой, верным другом и на редкость самоотверженным помощником. Завершается экспедиция, продолжавшаяся почти 2 года — 1938 и 1939 — ученый возвращается в Красноярск. Теперь у него семья: жена и маленький ребенок. Здесь они встречают войну. Б. О. Долгих не взяли в армию по состоянию здоровья — из-за плохого зрения, но он старался чем мог помогать фронту, безвозмездно участвуя в изготовлении специальных географических карт.

В начале 1942 г. в один из госпиталей Красноярска привозят тяжело раненого на фронте под Москвой проф. С. П. Толстова. Он попросил сообщить об этом в музей в надежде, что его посетят. Б. О. Долгих сразу же побывал у постели коллеги и понял, что прежде всего ему необходимо усиленное питание. Начал регулярно приносить в госпиталь необходимые продукты, хотя достать их можно было только на рынке. Получал Б. О. Долгих всего 400 рублей в месяц, а буханка хлеба стоила 100. Пришлось продавать вещи, книги... После выздоровления С. П. Толстов разыскал квартиру Б. О. Долгих и был буквально потрясен, как он сам мне рассказывал, нищенской обстановкой убогой комнатки, где жила семья ученого и лежал тяжело больной ребенок.

Став директором Института этнографии АН СССР, С. П. Толстов сразу же, в 1944 г. приглашает в Москву Б. О. Долгих и не без труда добывается его зачисления в аспирантуру, несмотря на то, что у него не было законченного высшего образования, да и анкета с «изъяном».

Занимаясь в аспирантуре, Б. О. Долгих написал кандидатскую диссертацию «Родовой и племенной состав населения севера Средней Сибири». В этой работе особенно проявилась характерная для него глубина и широта подхода к анализу источников. Им были, пожалуй, впервые исчерпывающе использованы относящиеся к Северу архивные материалы, которые в сочетании с собственными полевыми исследованиями позволили воссоздать реальную картину расселения народов этого обширного региона.

Блестяще защитив диссертацию и став сотрудником Института этнографии в 1948 г., он продолжает свои экспедиционные изыскания у кетов, энцев и других народов Севера. Ведет занятия со студентами кафедры этнографии МГУ, готовит публикацию своих работ. В том же 1948 г. Б. О. Долгих выехал в свою первую послевоенную экспедицию на Север, взяв группу из трех студентов МГУ. Одним из них посчастливилось быть мне. Несмотря на подорванное здоровье, Б. О. Долгих продолжал свои экспедиционные исследования и в дальнейшем. В 1955 г. возглавил в институте специально созданный по его инициативе сектор Севера — тогда он носил название «Сектор по изучению социалистического строительства у народов Севера».

В последние годы в средствах массовой информации не раз звучали упреки в адрес этнографов, которых наряду с другими обществоведами обвиняют в сознательной лакировке действительности, в сокрытии подлинных фактов тяжелого положения народов нашей страны. Верно ли это в отношении этнографов, изучавших народы Севера?

Нельзя отрицать, что в публикациях тех лет мы не увидим реальной картины жизни северных народов. Большинство сибиреведов надо, увы, признать писали в своих публикациях только о достижениях, нередко лишь мнимых. Но далеко не всегда это была вина самих ученых, выполнявших суровый социальный заказ. Что касается Б. О. Долгих, то он очень близко к сердцу принимал беды народов Севера.

Еще во время экспедиции 1948 г. к кетам Подкаменной Тунгуски он просил меня и других студентов — участников экспедиции внимательно отнестись к изучению положения населения, его нуждам, трудностям. Тогда мы столкнулись (признаюсь, очень для себя неожиданно, так как представления о народах Севера я имел по публикациям тех лет) с чрезвычайно тяжелым, по существу критическим положением суломайских кетов — они голодали и явно вымирали! Эта исключительно интересная в этнографическом отношении и очень самобытная этнографическая группа кетов еще не утратила в то время многие архаические формы культуры. У них наряду с чумом сохранились полуземлянки неолитического облика, уже давно исчезнувшие у других народов Сибири, но не знали никаких других домашних животных, кроме собаки, наряду с ружьями еще пользовались иногда луком со стрелами, умели добывать огонь трением, их роды и фратрии еще играли свою важную роль. И вот у них-то власти без колебания изымали на общих основаниях в счет госпоставок почти всю вылавливаемую ими рыбу, а соболя, добытого на охоте, принимать отказывались, добываясь якобы «увеличения поголовья ценного зверька». И это несмотря на то, что к 1948 г. численность соболя настолько возросла, что хищный зверек пожирал белку, резко сокращая ее поголовье в Подкаменно-Тунгусской тайге, лишая тем самым кетов и этого объекта промысла.

Вернувшись в Москву, я с ведома и согласия Б. О. Долгих написал о трагическом положении кетов секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову, в то время второму человеку в государственной и партийной иерархии, обратился в «Правду», рассказал о вымирании кетов на кафедре этнографии МГУ. Это было расценено в комсомольской организации исторического факультета, где я учился, как злост-

ная клевета на политику партии и правительства в национальном вопросе. Сюда приплюсовали и то, что, находясь на Подкаменной Тунгуске, я в беседе с моими товарищами по экспедиции выразил свое несогласие с развернувшимися в то время гонениями на генетиков, а о Лысенко отзывался весьма неуважительно (об этом донес по возвращении в Москву один из участников нашей экспедиции). Нашли и другие «грехи». А был это 1948 г. — год яростной борьбы с «космополитами»! Меня тут же исключили из комсомола и приняли решение об исключении из МГУ. Б. О. Долгих тяжело это переживал, встречался с моей матерью, как мог успокаивал ее, сравнивая случившееся со своей судьбой. Чтобы попытаться облегчить положение кетов, Б. О. Долгих, несмотря на происходившее и многим рискуя, также послал телеграмму Г. М. Маленкову.

Произошло неожиданное — Г. М. Маленков направил к кетам Подкаменной Тунгуски комиссию во главе с зав. отделом ЦК ВКП(б). Факты подтвердились. 13 мая 1949 г. я получил письменный ответ, в котором говорилось: «... исполком крайсовета принял специальное решение о мерах помощи нацнаселению Суломайского, Сымского сельсоветов, в частности, кето (т. е. кетам.— С. В.) разрешена сдача всех добытых соболей райпотребсоюзу». Кстати, это было первое после войны постановление о мерах помощи народам Севера. Решение о моем исключении из университета было отменено, и мне разрешили вновь выехать к кетам Подкаменной Тунгуски в экспедицию. Я вторично побывал у этого народа летом и осенью 1949 г. К сожалению, на этот раз Б. О. к кетам не поехал, не был он у них и позднее. Его полевые исследования велись теперь у самодийцев в низовьях Енисея, в изучении которых ему принадлежит выдающаяся роль⁴.

Заведуя сектором, Б. О. Долгих неоднократно обращался в высшие правительственные органы с очень тревожными записками о положении народов Севера. Приведу выдержки из одной из них (написана в начале 1954 г.)⁵. Сравнительная материалы переписей, он отмечает резкое сокращение численности коренных народов Севера: энцев на 33%, нганасан на 26, ненцев на 12%. При этом он отмечает, что наиболее сильное сокращение численности пришлось на «самые отсталые народы Севера» (л. 2). Он пишет далее, что «совершенно катастрофично положение с движением численности коренного населения Эвенкийского национального округа, которое с 1926 по 1953 г. сократилось почти на 40%» (л. 3). При характеристике положения кетов отмечает сокращение их численности на 30%, а наиболее самобытной Подкаменно-Тунгусской (Суломайской) группы на 60%. При этом Б. О. Долгих, в частности, подчеркивал: «Суломайские кеты были очень своеобразной группой кетского народа. Они, в частности, никогда не имели оленей и к ним следовало бы проявить максимум заботливости и внимания. К сожалению, этого сделано не было, и сейчас эта, в прошлом многочисленная и вполне жизнеспособная часть кетского народа находится на грани исчезновения. Практически на грани исчезновения находятся и энцы...» (л. 4). Здесь же Б. О. Долгих оспаривает «теорию» о вымирании народов Сибири после их присоединения к России. Он отмечает, что «после прихода русских в Сибирь коренные жители насчитывали около 230 тыс. человек, а в 1926 г. их было уже 800 тыс., т. е. их численность возросла более чем в 3 раза!»

Б. О. Долгих отрицает утверждение о том, что сокращение численности неизбежно связано с кочевым образом жизни и указывает на основные факторы этого процесса в советское время: недостаточное питание, широкое распространение туберкулеза, неумеренное потребление спирта, плохая одежда и обувь. Отмечает жалобы местных жителей-колхозников: «Доходов от работы в колхозах не хватает на жизнь, тяжелые планы заготовки рыбы и низкие приемные цены на рыбу, невозможность заготавливать рыбу для себя, принудительное поселение в колхозных центрах и невозможность жить в тайге и тундре по-старому, обшеты в конторах колхоза и магазинах и др.». Отмечает и то, что местные организации заботятся о себе и приезжих, забывая о местных жителях и их нуждах. И приводит далее в качестве примера туруханскую газету «Северный колхозник», в

которой на протяжении 2 лет не нашел ни одного слова о жизни коренного населения этого района, «как будто его совсем не было» (л. 13).

Б. О. Долгих делает вывод: «Необходим коренной пересмотр всего, что делается для народов Севера, и признание того, что до сих пор работы по подъему экономики и культуры народов Севера шли по неправильному пути» (там же). Он выдвигает целый ряд предложений⁶. К сожалению, большая часть этих предложений не реализована до сих пор. Позволю себе заметить, что эта записка правительству написана не в годы перестройки, а за 30 лет до ее начала!

По инициативе Б. О. Долгих все сотрудники созданного им сектора должны были в докладных записках честно и правдиво информировать о всех проблемах жизни народов Севера. Практика написания подобных записок прочно вошла в работу сектора и сохранила свое значение и после смерти Б. О. Долгих. Благодаря этой работе народы Севера во многом смогли улучшить условия своей жизни.

Эти записки были использованы правительством при подготовке ряда важных постановлений (в этом надо отдать должное тем моим коллегам, которые возглавляли сектор после Б. О. Долгих — И. С. Гурвичу и З. П. Соколовой).

Б. О. Долгих был в высшей степени интеллигентным человеком, вдумчивым наставником своих учеников. Нас всегда поражала его готовность помочь, разделить поровну тяготы жизни.

Маленький, но показательный пример. Во время экспедиции к кетам в 1948 г. нам предстояло пройти от устья Подкаменной Тунгуски до кетского поселка Суломай (Черный остров) многие десятки километров вверх по течению таежной реки. В то время здесь не ходили даже катера, не было ни авиации, ни комфортабельных судов на подводных крыльях, столь характерных для наших дней. Все имущество было сложено в дощатую лодку, которую нам пришлось тащить против течения стремительной реки, пользуясь веревкой, подобно бурлакам, двигаясь по заваленному буреломом каменистому берегу. Труд этот был не из легких, и потому мы предложили тащить лодку по очереди, освободив от этого нашего начальника. Но немолодой уже и не вполне здоровый Б. О. Долгих категорически отказался и тащил наше суденышко наравне со всеми.

В то послевоенное время многие люди жили очень плохо, бедно. Да и сам Б. О. Долгих жил с семьей небогато. Мне пришлось бывать у него в те годы. Когда я первый раз приехал, я был крайне удивлен бедностью его жилища. Это была крошечная клетушка в полуразвалившемся то ли доме, то ли сарае на окраине Москвы. Столом служил перевернутый фанерный ящичек. Дети спали на полу. Тем не менее, выезжая в экспедицию, Б. О. Долгих закупил для подарков кетам из своих скудных средств ведра, кастрюли, да и нам кое в чем помог. Почти неделю пришлось нам в ту пору ехать до Красноярска, а потом неделю на колесном пароходе до Подкаменной Тунгуски, и все это время Б. О. Долгих занимался с нами, детально знакомя с методикой полевой работы, которую мы в МГУ практически не изучали, Б. О. Долгих очень заботился о своих студентах. Моя судьба — один из примеров такой заботы. Именно он, узнав, что вопреки рекомендации кафедры этнографии, мне было отказано в праве подачи документов для поступления в аспирантуру, посоветовал просить распределительную комиссию МГУ послать меня на работу в Сибирь, желательно к тувинцам, которые были еще очень слабо изучены. Я получил назначение в Тувинский краеведческий музей в г. Кызыле. Все 10 лет, что я жил в Туве, он постоянно переписывался со мной, посылал книги, статьи, давал советы, помогал публиковать мои материалы в изданиях Института этнографии. Вот несколько слов из его письма ко мне в 1950 г.:

«Работать в сибирском музее и спокойно вести стационарные исследования большое благо для этнографа, только так можно по-настоящему изучить народ. Используйте это, насколько можно. Чрезвычайно заманчиво изучить все стороны тувинского быта и его родоплеменной состав, проблему тувинского „рода“, подготовить материалы для большой работы по этногенезу. Не сомневаюсь, что

это вам по силам. Все трудности, с которыми вы столкнулись, преодолимы в молодые годы. От всего сердца желаю успехов».

О Б. О. Долгих как человеку и гражданине говорит, в частности, и такой факт. В начале августа 1968 г. он с женой поехал отдыхать в Прибалтику, жил вблизи Риги, которую любил с детства. Уезжая, он чувствовал себя очень хорошо, радостно делился со мной мыслями о «чешской весне». А вернулся из Риги в начале сентября с глубочайшим гипертоническим кризом, необычайно угрюмый. Вера Гордеевна рассказала, что внезапное ухудшение здоровья у мужа началось сразу же, как только он узнал, что наши танки вошли в Прагу. Потрясенный этим известием, он долго не мог прийти в себя.

Мужественный характер ученого и гражданина сочетался в Б. О. Долгих с очень мягким, душевным и добрым отношением к своим коллегам, редкой простотой и тактичностью в обращении с людьми, почти детской застенчивостью и, казалось бы, странным увлечением серьезным коллекционированием оловянных солдатиков и флажков разных стран и народов, которое, как он говорил, позволяло ему отвлекаться от всех мирских тревог. А их было так много на его веку!

Вклад Б. О. Долгих в этнологию, особенно в изучение этнической истории и фольклора сибирских народов, поистине огромен. Прежде всего следует сказать о его главном детище — фундаментальной монографии «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке»⁷. Он шел к ней всю свою жизнь. До этого труда историческая наука не имела ясного представления о составе народов Сибири после их присоединения к России, численности и территории их расселения. Б. О. Долгих говорил мне, что этой работой он выполняет нравственный долг русской науки перед народами Сибири, перед памятью многих канувших в Лету после присоединения к России сибирских племен.

Б. О. Долгих подчеркивал, что в своей монографии он стремился преодолеть сложившийся в отечественной науке разрыв между исследованиями историков Сибири и этнографами. Историки в своих работах на сибирские темы оперировали большим количеством родоплеменных названий, извлеченных из архивных источников. Но не были известны ни точная территория расселения упомянутых родов и племен, ни их численность. Этнографы же устанавливали существование у народов Сибири различных родов и племен, но, как правило, не могли связать их с первоначальным населением Сибири в XVII в. Б. О. Долгих в своей монографии показал, что все родовые и племенные группы народов Сибири, известные этнографам, восходят к конкретным этническим группам, населявшим Сибирь в XVII в. В результате буквально титанической работы, в ходе которой были исследованы многие тысячи архивных документов, впервые удалось реконструировать этнический состав народов Сибири того времени, установить их численность и нанести на карту в строгом соответствии с ареалами их расселения. Причем основной источник, который по существу в указанном смысле был также впервые введен в научный оборот, — это так называемые ясачные книги, т. е. документы, которые скрупулезно составлялись русскими властями в Сибири в XVII в. для собирания со всего взрослого туземного населения налога — ясака пушнинаой. Сведения ясачных книг Б. О. Долгих тщательно проверял и дополнял всеми имевшимися в распоряжении науки источниками. Для установления численности населения по ясачным книгам Б. О. Долгих предложил новый метод, вводя в употребление систему коэффициентов. Коэффициент 4 (один плательщик ясака рассматривался как член семьи из четырех человек) он предложил для определения численности охотников, рыболовов и оленеводов таежной и тундровой зоны, а коэффициент 5 — для подсчета численности скотоводов степной и лесостепной зоны.

После опубликования труда Б. О. Долгих этот метод определения численности населения широко использовали многие исследователи. Ряд авторов, опираясь на проведенные ими разработки, поддержали целесообразность предложенных коэффициентов, в частности В. А. Туголуков подтвердил их на материалах ясачной переписи 1682 г. у тунгусов⁸, другие исследователи пытались внести некото-

рые уточнения, в особенности в отношении жителей лесостепной зоны⁹. Но одно очевидно — метод, предложенный Б. О. Долгих и блестяще использованный им в своей работе, сыграл существенную роль в изучении численности народов Сибири после ее завоевания Россией.

Чтобы дать представление о том, в каких нелегких условиях Б. О. Долгих долгие годы исследовал бесчисленные архивные источники для своего труда, хотелось бы рассказать лишь об одном эпизоде. Когда я начал работать в Центральном архиве древних актов над знаменитыми «Портфелями Г. Миллера», ко мне подошел старенький работник архива и спросил, знаю ли я Б. О. Долгих. Получив утвердительный ответ, попросил передать ему привет, добавив, что таких влюбленных в науку и свой труд людей он никогда не встречал в стенах архива, хотя проработал здесь почти всю жизнь. И рассказал, что во время войны в архиве не топили, было холодно и никто сюда не ходил. Но Б. О. Долгих в 1944 г. бывал ежедневно к открытию и сидел в пальто и шапке до закрытия. Он съедал кусок хлеба, запивая его кипятком, которым угощали работники архива. Это был его обед. И все это время он сидел не разгибаясь над документами, выписывая нужные сведения на листки бумаги, подчас из школьных тетрадей (некоторые из этих листков, заполненные очень мелким почерком, относящиеся к народам Южной Сибири, в особенности алтайцам, Б. О. Долгих передал перед смертью мне, чтобы продолжить его исследования на алтайском материале, но я этого завещания, увы, пока не выполнил).

Перу Б. О. Долгих принадлежит большое число ценнейших этнографических исследований¹⁰. Среди них труды по этногенезу и этнической истории ряда сибирских народов, притом не только северных, но и южных, в частности бурят¹¹; работы по проблемам верований и культов, материальной культуре, социальной организации и фольклору. В числе книг, которые нельзя не отметить, «Очерки по этнической истории ненцев и энцев»¹², «Бытовые рассказы энцев»¹³, великолепно написанные разделы коллективно подготовленной монографии об общественном строе народов Сибири¹⁴ и многие другие, в том числе изданные посмертно.

Без преувеличения можно утверждать, что труд Б. О. Долгих о народах Сибири в XVII в. был наиболее выдающимся исследованием в сибиреведении, выполненным в прошедшие годы XX в. И здесь нельзя не сказать с чувством глубокого сожаления, что этот действительно выдающийся вклад в науку не получил в свое время соответствующей оценки у руководства нашего института — его труд не выдвинули на Государственную премию, которую он, несомненно, заслужил. Впрочем, практика посмертного присуждения премий существует, и ошибка может быть исправлена в наши дни. И все же нельзя не согласиться со словами одного из учеников Б. О. Долгих, что в конечном счете в признании народа, которого изучает этнограф, и заключается главное счастье ученого, высшая оценка его труда. И действительно, много лет спустя после исследований Б. О. Долгих у народов Севера старик-ненец говорит ведущему опрос этнографу: «Ты Бориса спроси. Вот кто расскажет. Он о наших людях хорошо знает. Может, как я знает». — «Может, больше», — тихо дополняет его другой старик¹⁵.

Б. О. Долгих в его последний день навестили в больнице ученики. Они не слышали ни слова жалоб, хотя тяжело больной осознавал свой приближающийся уход. За несколько часов до смерти, скрывая свои физические страдания, он неспешно и мудро говорил о будущем сибиреведения, о судьбе своего научного наследия и глубоко сожалел о неосуществленных замыслах (его слова: «Эх, мне бы еще два года жизни!»). В тот скорбный и холодный предновогодний вечер мы навсегда потеряли большого и очень честного ученого, подвижника, друга, в высшей степени интеллигентного и доброжелательного человека, до конца свободного от мелочного и суетного тщеславия.

- ¹ Долгих Б. О. Население Таймыра и прилегающего к нему района // Северная Азия. 1929. № 2.
- ² Долгих Б. Кеты. Москва; Иркутск, 1934. С. 3.
- ³ Долгих Б. О. Легенды и сказки нганасанов. Красноярск, 1938.
- ⁴ Васильев В. И. Открытие самодийского мира (история одного научного поиска) // Сов. этнография. (Далее — СЭ). 1976. № 4. С. 145—156.
- ⁵ Архив Института этнологии и антропологии АН СССР (Москва). Фонд Б. О. Долгих.
- ⁶ В архиве Института сохранились и другие, не менее откровенные и мужественные письма Б. О. Долгих в директивные органы нашей страны. Таково его письмо от 1959 г. «Некоторые вопросы национальной политики на Севере СССР», где отмечается довольно быстрое сокращение численности народов на советском Севере и дан острокритический глубокий анализ причин этого процесса. Документ будет полностью опубликован в ближайшем серийном издании нашего института, посвященном полевым исследованиям // Полевые исследования. Вып. 1, нов. сер. М., 1992.
- ⁷ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Тр. Ин-та этнографии. М., 1960. Т. IV.
- ⁸ Туголуков В. А. Об определении численности коренного населения Северной Сибири в XVII в. // СЭ. 1981. № 2. С. 122—124.
- ⁹ Емельянов Н. Ф. Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII — первой половине XIX в. // Из истории Сибири. Вып. 17. Томск, 1975. С. 99—100; Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск, 1981. С. 43 и сл.; Васильев В. И. К вопросу об определении численности коренного населения Сибири в XVII в. // Этнические процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.
- ¹⁰ Библиографию трудов Б. О. Долгих см.: СЭ. 1972. № 2. С. 178—179.
- ¹¹ Долгих Б. О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа. // СЭ 1953. № 1.
- ¹² Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.
- ¹³ Долгих Б. О. Бытовые рассказы энцев // Тр. ИЭ АН СССР. 1962. Т. XXV.
- ¹⁴ Общественные строй у народов Северной Сибири XVII — начала XX в. (Б. О. Долгих ответственный редактор и автор трех глав).
- ¹⁵ Васильев В. И. Открытие самодийского мира. С. 156.

**B. O. Dolgykh: the Days and Deeds
in the Life of a Devotee**

The article deals with the life of Boris Osypovitch Dolgykh (1904—1971) whose devotion made him an outstanding Russian historian and ethnographer. It considers his participation in the Circumpolar census of the mid 1920s, his arrest and exile to the Lena region because of his criticism of collectivisation at the beginning of the 1930-s and his travels and expeditions in the North. The author also describes the fundamental investigations of the history and ethnography of Siberian peoples made by Dolgykh, the scholar's courage and generosity, and how he never stopped struggling for improvements in the life of the northern peoples. An assessment is made of his scientific heritage and his followers.

S. I. Vainshtein